СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва
30 АПР 1983

Михаил ПУГОВКИН, народный артист РСФСР:

«Оказывается, я играю Пуговкина?»

Сама фамилия этого актера в титрах фильма — уже заявка на комедию. Не сочтите за парадокс, но именно у большого мастера заметнее удачи и просчеты жанра, поскольку он работает выразительно, выпукло, виден каждый нюанс. А нюансы ведь бывают разные. Что касается человеческих качеств, то Михаил Иванович — прекрасный случай умного, сердечного, симпатичного человека. Это хорошо знают его коллеги, а сегодня, надеюсь, в этом смогут убедиться и наши читатели.

— Михаил Иванович, вы, конечно, еще в школе мечтали стать комедийным артистом и слыли завзятым шутником?

— Разговор начинается мрачновато. Я бы даже сказал, бестактно... Видите ли, у меня было очень тяжелое детство. Тяжелое для моих учителей. Нежная пора окрашена моей чудовищной неуспеваемостью по всем предметам. Так что было не до шуток.

— Но потом в студии МХАТа отношения с учителями вроде бы были просто завидными.

— При одном только воспоминании о вступительном экзамене в студию я содрогаюсь.

Представьте себе: за длинным столом сидят 22 народных артиста и на тебя сдвоенным пулеметом глядит пенсне Ивана Михайловича Москвина. Я отразил атаку басней «Кот и повар». Комиссия приветливо посмеялась. Я внутренне одобрил ее вкус. Иван Михайлович потер платочком стеклышки и поощрительно спросил: «Чем вы нас еще порадуете?» И я решил порадовать народных артистов: «Пушкин! Лирика!» Успел только заметить удивленно поднявшиеся брови Ивана Михайловича и начал «радовать».

Должен вам сказать, что я и сейчас еще не полностью сравнился внешностью с Вячеславом Тихоновым. А тогда у меня вместо лица был пухлый блин и в нем две канцелярские точечки вместо глаз. И вот я читаю «Я помню чудное мгновенье». Душа моя содрогается, обливается слезами... а комиссия тоже обливается слезами, но от смеха. Оказалось, что я комик.

Мне потом не раз приходилось страдать от несоответствия моих внешних данных и внутренних желаний.

— «Маска» прилипла к лицу?..

Заблуждение зрителей можно понять. Скажем, поэт Сирано и выразителен своим несоответствием внешнего и внутреннего. А вот удивительный актер Евгений Леонов сыграл чеховского Иванова. Впрочем, он прекрасно сыграл эту роль. Но это была роль из какой-то другой пьесы. Великий Чаплин мог бы сыграть Каренина. Но это был бы Каренин не Льва Толстого.

Впрочем, для четкости разговора нам надо договориться о термине — что такое «маска»?

— Скажем жестко: «маска» — это когда актер без грима (или в гриме) постоянно играет как бы одну и ту же роль. И его все «узнают». Я знал только одного актера, которого нельзя было «узнать», — Хмелев. Впрочем, а Аркадий Райкин?! Последнее время он играл без маски, но вы каждый раз его «не узнавали».

Тем не менее я не спешу открещиваться от той «маски», которая повторяется. В молодые годы я ею несколько даже злоупотреблял. И с удовольствием. Я нащупал какой-то определенный типаж, но в разных обстоятельствах. И каждый раз играл другого человека, хотя и позволял себе даже повторять какие-то удачные, точные выражения, жесты, ужимки. Это был один типаж, но разные люди. Если угодно, это можно назвать «маской». Конечно, подобный прием не годится, если ты играешь Федора Протасова в «Живом трупе» или Луку в «На дне». А если это бытовой типаж под сатирическим прицелом, то вполне резонно. Получается как бы в увеличительном стекле.

А мне тогда говорили — ты повторяешься. Вполне возможно, но это могло означать лишь то, что я, значит, плохо справлялся с ролью. Более того, один коллега мне сказал: «Ты все время играешь Пуговкина». Жуткое дело! Неужели я в жизни произвожу впечатление идиота и недотепы? Конечно, это мой «любимый» персонаж. Но до чего же не хотелось бы думать и о себе именно так.

Может быть, прозвучит самонаденно, но зрители не видят в моих персонажах Пуговкина. Эту ужасную «весть» я слышу только от иных моих коллег. Иной режиссер просто пожизненно назначает для меня определенную «маску». И очень удивляется, когда я играю отца Федора или Яшку-артиллериста. Я согласен, и того, и другого сыграл артист с лицом Пуговкина. Но какие же это «маски»? Я детство провел в деревне и хорошо знаю этих двух персонажей, сыграл как бы «с листа». Для меня это реальные облики. А чтобы их воплотить, совсем не обязательно менять форму носа или голос.

Нет, я не лезу в «непризнанные гении», но и защищать меня в узком коридорчике тоже ни к чему. Ведь за маской-то обычно расположено лицо, если угодно, душа. А вот туда иной режиссер и ленится заглянуть. Тут уж да здравствует Его Величество Случай! Вся надежда на него.

— Но ведь случай — понятие не простодушное. Так ли уж случайно Константин Симонов углядел Серпилина в Папанове? А как сыграл Леонов в «Донской повести» и «Старшем сыне»? Я, признаться, никого другого в этих ролях себе и представить не могу. Как я понял, вас раздражает, что случай не вывел вас на серьезную трагедийную роль?

— Неправильно поняли. Вы сейчас перечислили работы высочайшего класса. И все-таки Папанов, Леонов мне дороги не этими ролями. Я от них по-прежнему жду восхитительных комедийных ролей, поскольку именно это они умеют, как больше никто. Я расстраиваюсь, когда в комедийном диапазоне меня сталкивают в наезженную колею и в новой роли буквально заставляют повторять пройденное. Не оттого ли иные комедии так похожи друг на друга? Не в этом ли секрет «несмешного»?

— Вы все больше упрекаете окружающих. А своя вина? Вот славнейший Василий Васильевич Меркурьев в «колею» себя не пускал. Что ни роль, то бриллиант, разных размеров, но бриллиант.

— Возможно, мне не хватает таланта убеждать, настаивать на своих убеждениях. Вы не представляете, от скольких ролей я отказался. А соглашаешься, и опять подчас начинается борьба Пуговкина против Пуговкина и режиссера.

Маска — это же не поженственный слепок. Вот для плохого актера она удобное укрытие. А для хорошего актера — это непрестанный поиск. Большой талант не обеспокоен ни проблемой маски, ни ее отсутствием. Спросите у Евгения Евстигнеева или Александра Калягина.

— Михаил Иванович, я вижу, что вы сильно обеспокоены. Обида мастера? Или неудовлетворенность мастера? Ворчать вроде не ваш стиль.

— А я и не ворчу. Я. видите ли, масштабно рассуждаю. И вовсе не о себе. Это вы все про Пуговкина спрашиваете. А я-то хлопочу по меньшей мере об искусстве в целом. Ну, и о себе немножечко тоже.

В общем-то, вы правы. Я действительно обеспокоен. Кхе, кхе! Сейчас форточку закроем. Бронхит у меня. Ой, что-то в боку закололо. В моменталях-то чтобы играть, здоровеньким надо быть. Кхе-кхе! Как ни крути, надо бегать, прыгать, провываться. А двенадцать дублей в холодной водичке не хотите? Нет, давайте закроем форточку, а то «каскадер» простудится.

А если серьезно, то медленно я перехожу в другое качество комедии. Юмор ведь не самоцель. Важна не внешняя эксцентрика, а внутренняя. Посмотрите, как прекрасен Михаил Ульянов в «Беге». Впрочем, там и внешняя эксцентрика, и внутренняя. Вот, видимо, в этом и вершина результата.

Но не буду юлить — мечтаю о роли трагедийного звучания. Хотел бы инсценировать песню «Враги сожгли родную хату». Именно инсценировать. В ней есть все — и шекспировская драматургия, и шекспировская трагедия.

— Признаться, для меня эта мысль неожиданна. Но, пожалуй, я могу представить себе эту работу. И вместе с тем мне кажется резонным, что вы в свое время не сыграли Василия Теркина. Я имею в виду не только именно вас.

— Я вас понял. И согласен. Эту роль никогда никому не сыграть. Ее мог бы «сыграть» только сам Василий Теркин. Но он был не артист, а солдат. О Теркине смог рассказать Александр Трифонович Твардовский. И это раз и навсегда. И никому больше не надо прикасаться.

— Вас, опытного актера, который легко, «с листа» берет роль, я бы вот о чем хотел спросить. Я достаточно знаком и с плюсами, и с минусами и кино, и театра. Но что для меня непостижимо в кинопроизводстве, это пренебрежение тем, на чем держится искусство театра, — репетицией.

— Я этим не просто удивлен. Это моя рана. Некоторые режиссеры мне объясняют: если долго «возиться», уйдет эмоция, экспромт. Но ведь они сначала должны прийти. Я не верю, что настоящее искусство происходит случайно. Я не верю в чудеса. Есть только один путь: собираются единомышленники, спорят, находят, вживаются в материал.

Один режиссер запустил фильм в работу. Полным ходом трудятся операторы, художники, костюмеры, сценарист доводит сценарий до неузнаваемости. «А кто будет играть?» — спросил я. Режиссер рассеянно ответил: «Пока об актерах вплотную не думал». Не до этого ему. Ну можно ли с таким говорить о каких-то еще там репетициях? А другой режиссер мне ласково сказал: «Миша, тебе уже немало лет, а ты хорошо выглядишь». «Я тебя могу порадовать, со мной еще можно репетировать», — ответил я.

Но знаете, эта «закономерность» совершенно не присуща настоящим киномастерам. Есть такая поговорка: «У Герасимова любой сыграет». Трудно даже представить, сколько сил и чувств отдает Сергей Аполлинариевич актеру. Только актер это может понять и оценить, зритель ведь получает уже готовый результат.

А Михаил Ильич Ромм! Я два года снимался в его фильме. У меня на всю жизнь осталось благоговение перед этим мудрым, гуманнейшим человеком. Если бы вы знали, как он вел репетиции! Этот тихий голос, эти глаза, которые сейчас принадлежат только тебе. Дело даже не в кино, просто в моей жизни, пожалуй, не было такой пронзительной человечности.

Режиссер — это педагог. Если режиссер не педагог, мне с ним неинтересно. Не нужно, чтобы он придумывал мне жесты, интонации. Не возись со мной, побудь со мной. И что я заметил, чем крупнее актер, тем больше ему нужен режиссер.

Но режиссер — это не назойливый наставник, а единомышленник. И тут, конечно, самая сердечная признательность Леониду Иовичу Гайдаю, с которым мы работали в шести фильмах. Вот он занят делом, а не кинопробами.

— Какая резкая интонация на слове «кинопробы»...

— Один актер прекрасно сказал: «На Гамлета не пробуют, а приглашают».

Когда делают кинопробу со студийца или молодого артиста, который впервые в кино, это понятно. Но когда «пробуют» актера, который снялся в 60 фильмах, это глупая трата времени и пленки. Тебе дают текст, надевают на тебя кепку, и ты говоришь в камеру этот текст. Что тут можно прояснить, кроме фотогеничности? Поэтому плохой актер иногда просто наугад попадает, а потом не справляется с материалом. Опытному же актеру надо войти в материал, осознать его. А на фотогеничность его нечего проверять.

В кино еще много суетной чепухи. А дубляж? Иванов дублирует Петрова. Зачем? Что за бригадный метод? Недавно я смотрел фильм. Среднего артиста дублировал выдающийся актер. Я перестал обращать внимание на экран, только слушал. Понятно, когда дублируются зарубежные фильмы или работы республиканских студий, хотя иногда я предпочел бы титры. Но Иванов Петрова?! Это режиссерское баловство, вредное и неуважительное к актеру.

Если вам не трудно, задайте мне вот такой вопрос: «Кому ты обязан всей своей творческой судьбой?»

— Кому вы обязаны всей своей творческой судьбой?

— Отвечаю — студии МХАТа.

Я всегда прихожу на съемочную площадку точно, в срок. Это вызывает благодарное удивление. А если я при этом еще и знаю текст, то на меня смотрят, как на чудо.

Если в студии МХАТа занятия назначали на 9 часов, то в 8.40 мы уже были в аудитории. МХАТ воспитывал благоговение перед трудом актера. Нет, это не поздние легенды о раннем периоде. Так было. «Старики» понимали, что личность нельзя сыграть, ею надо быть. Это ж сердце от нежности и почтения обмирает — Иван Михайлович Москвин, Михаил Михайлович Яншин, Алексей Николаевич Грибов, Сергей Капитонович Блинников.

Помню, играл я в чеховском «Юбилее» бухгалтера Хирина. Чего только «для смеху» не накрутил на своего персонажа: он у меня был и хромой, и кривой, и больные зубы, и даже заикался. А зритель не улыбнулся. И вот потом у костра в Пестово ко мне вечером подсел Михаил Михайлович Тарханов и восхищенно сообщил: «Здорово ты вчера наигрывал». И тихонько, спокойно, на ушко объяснил мне, что в искусстве нельзя кривляться.

Вот этим людям я на всю жизнь обязан способностью уважать искусство и свою крохотную лепту в него.

— Михаил Иванович, приближается ваше шестидесятилетие. Разрешите...

— Как, только 60 лет?! Прекрасный возраст! Пошли дальше!

Беседу вел
Э. ГРАФОВ.